

*Посвящается всем,
кто преодолел собственный Век Тьмы.*

Новогарди

Форт Кармейкос

Эндаррион

Пл

Вел
сту
Ча

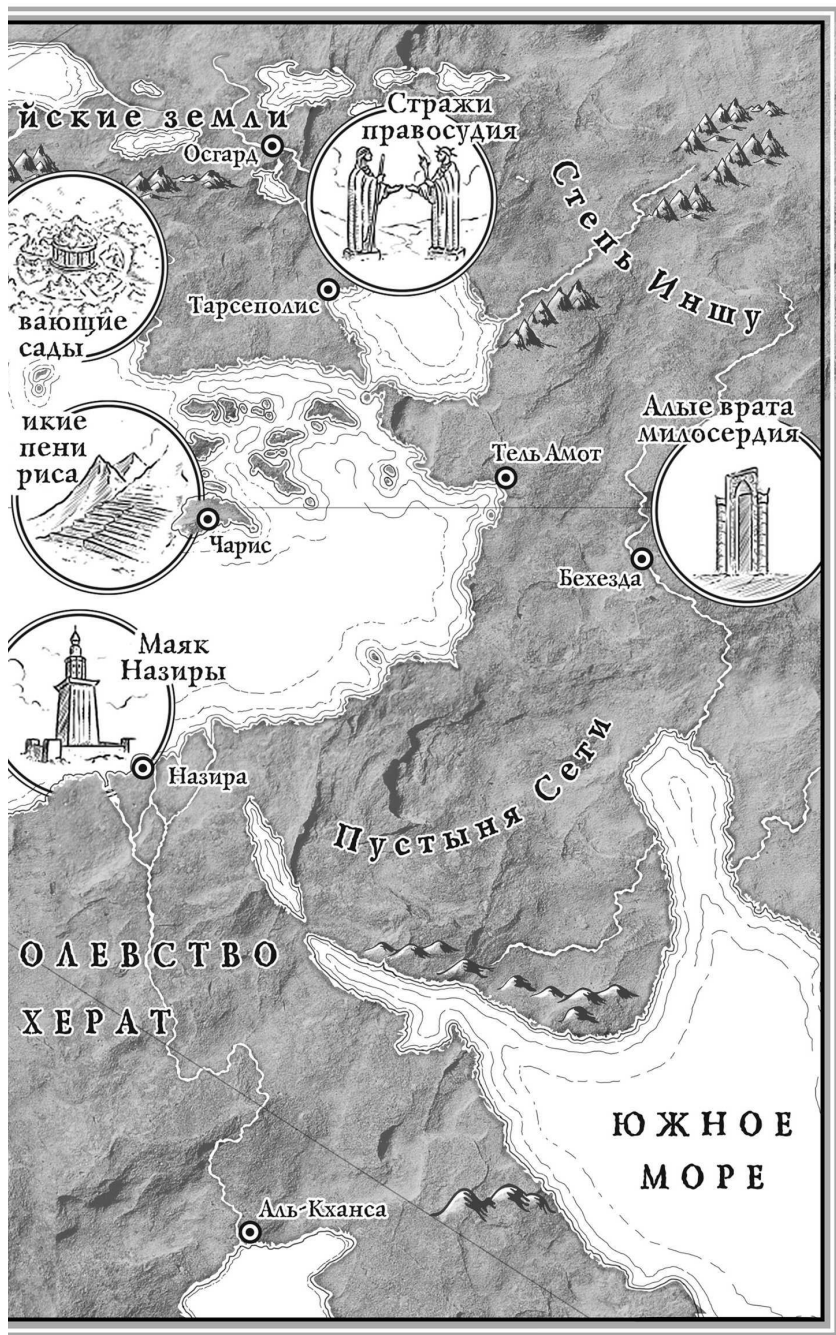
Паллас Атос

Храм
Палласа

МОРЕ ПЕЛАГОС

КОР

ПУСТЫНЯ МЕРАВ

I

ХРАНИТЕЛЬ СЛОВА

БЕРУ

БЕРУ НАБЛЮДАЛА ЗА СВИДЕТЕЛЯМИ, собравшимися перед алтарем и походившими на золотисто-черное море. Ладонь Палласа нежно лежала на ее плече, напоминая свидетелям и Беру, кто тут главный. По ее коже бежали мурашки. Бог не мог успокоиться и вздрагивал под рукой Палласа, борясь с Четырехлистной Печатью, которая удерживала его внутри девушки.

Она чувствовала злость бога, никуда не исчезающее желание уничтожить Палласа и низкое гудение где-то в затылке.

— Сегодня, — объявил Паллас, — день славы. День божественного суда, когда порочные будут наказаны, а достойные вознаграждены.

Он кивнул Лазаросу, и его длинные пальцы на мгновение впились в плечо Беру. Свидетель, чьи шрамы от Божьего огня мерцали в свете факела, скользнул к ней, словно тень.

Холодными руками он расстегнул ошейник из Божьего огня и снял его с шеи Беру. Когда прикосновение металла исчезло, девушка почувствовала пронесшуюся по телу вспышку божественной силы. Это ощущалось практически болезненно.

— *Мы могли бы уничтожить его*, — шептал бог в ее голове. — *Мы бы освободились.*

Теперь, когда ошейник ее больше не сдерживал, ненависть бога разнеслась по Беру, словно едкий яд. Девушка закрыла глаза, чтобы противостоять ему, и подошла к краю алтаря, подняв руки. Она ощущала невидимые потоки эши, вибрировавшие в храме, и, повернув запястье, потянула за них, тем самым распахивая двери настезь. Санктум наполнился ярким белым светом, и почитатели ахнули от восхищения.

Голос Палласа эхом разнесся по помещению:

— Кто из верных готов первым принять откровение?

Толпа расступилась, и к алтарю направился свидетель в черно-золотых одеяниях. За ним брела женщина в оковах, ее черные волосы свободно свисали вокруг плеч. Она казалась хрупкой и грязной, как загнанное в ловушку, наполовину заморенное голодом создание, но в ее глазах горел дикий огонь.

— Безупречный, — произнес свидетель, добравшись до алтаря и поклонившись Палласу. Потом повернулся к Беру: — Святой Создатель. Я ищу откровение и отдаю тебе эту грязную грешницу, чтобы услышать твое решение.

Закованная в цепи женщина дрожала, стоя перед ними, но взгляд не отводила.

Беру стало тошно. Раньше она расписывала свое тело алхимическими чернилами: одна отметка за каждое убийство, которое совершила ее сестра, чтобы поддержать жизнь Беру. На ней не осталось физических отметок от украденного Дара за последние две луны, но все же она знала, что ее подсчет превышал все списки Эфиры. Ужас так и не угас в ней, и каждый раз было так же страшно, как и в первый.

— Выйди вперед, — произнес Паллас, отступая в сторону и пропуская свидетеля с женщиной к алтарю.

Свидетель преклонил колени перед Беру, но его пленница сопротивлялась, стоя прямо, пока жесткий рывок за цепь не повалил ее на колени. Женщина вскрикнула.

Беру знала, чего хочет от нее Паллас, какую роль она должна сыграть. И также знала, что она это сделает. Но сначала заставит его подождать. Пусть гадает, не откажет ли она ему. Может, в этот раз она решит, что игра больше не стоит свеч.

Может, теперь она нанесет свой удар.

Каждый отданный Палласом приказ был детально прорсчитан. Что он потребует от нее в следующий раз? Будет ли это настолько ужасно, что она засомневается? Или откажется. Открытое неповиновение Беру повлечет за собой наказание Эфиры, которую Паллас запер в цитадели. Но Иерофан не знал, где проходят границы Беру.

Она и сама не знала.

Девушка подняла руки, и сила бога устремилась в ее ладони и кончики пальцев, словно холодное пламя. Пленница непокорно смотрела на нее. Беру заставила себя взять лицо женщины в руки, посмотрела в ее большие карие глаза, на суровый изгиб губ и, потянувшись, схватила силой бога пульсирующее тепло Дара женщины. Пленница издала отчаянный крик, когда Беру развела пальцы и потащила Дар, отрывая его нить за нитью от ее тела.

Беру закрыла глаза, стараясь не слышать ужасающие звуки пытки. Они еще долго будут преследовать и звенеть в ее голове вместе с криками и воплями. Через мгновение все закончилось, и женщина упала на землю. Ее Дар вырвали из нее.

— Скверна уничтожена, — произнес Паллас. — И праведный награжден. Мерзость была очищена и превращена в благословение для немногих верных.

Свидетель у ног Беру встал.

Она снова протянула руки, и яркий, дрожащий Дар, вырванный у пленницы, закружился вокруг свидетеля.

Беру осторожно привязала его к эше мужчины, после чего он вскрикнул и упал на колени.

Прежде чем Беру поняла, что происходит, она уже поворачивалась к Палласу. Божий огонь соскочил с одного из факелов на ее руки, и Паллас замер, широко распахнув свои голубые глаза. Злобное удовлетворение бога растеклось по Беру. Толпа позади них ахнула.

Беру закрыла глаза, делая тяжелые вздохи, пока бог пытался получить над ней контроль. Она чувствовала это, словно темный туман просачивается в ее разум.

Она поискала воспоминание, которое бы помогло ей.

Когда мне было семь, я нашла под акацией во дворе птицу со сломанным крылом, — подумала она. — Я принесла ее Эфире, и она ее исцелила.

Перед глазами вспыхнуло воспоминание, и девушка ухватилась за него. Как дрожала покрытая перьями грудка птички, когда Эфира коснулась ее. Как она попрыгала прочь от них, пошевелив излеченным крылом. Как чирикнула, улетая и присоединяясь к другим птицам высоко в ветвях акации.

Подробности этого воспоминания дали ей опору. Напомнили, кто она и что может чувствовать. Беру позволила этим эмоциям наполнить ее, подобно свету, пробивающемуся сквозь туман.

— *Ты хочешь этого, —* сказал бог, давя на печать. — *Я чувствую в тебе это желание. Ты хочешь прикончить его не меньше меня.*

Переводя дыхание, она задумалась над его словами. Убить Палласа. Выпустить бога на волю.

Но она не могла. Каким бы злом ни являлся Паллас, бог был еще хуже. Если она освободит его, то ничто не помешает ему разрушить мир, как тогда, в Бехезде, когда Беру была всего лишь пассажиром внутри зверя.

Она почувствовала рядом чье-то присутствие. Лазарос оказался за ее спиной, готовый обуздать ее цепями Божьего огня, если понадобится.

Беру опустила руки и погасила пламя, а потом повернулась к свидетелю и закованной женщине на алтаре. Свидетель застонал и поднялся на ноги.

— Узрите! — сказал Паллас и встал перед Беру, словно ничего не произошло.

Свидетель подпрыгнул, а только что украденный для него Дар отправил его дальше и выше, чем обычного человека. Это была неловкая и неумелая демонстрация, но вскоре он научится управлять своим Даром.

Беру встретила с ледяным взглядом Палласа, и все внутри наполнилось страхом. Пусть ей удалось остановить бога, но вред уже был нанесен. И Эфира за это заплатит.

В ту ночь они вернулись в резиденцию в цитадели, а Беру — к своему ошейнику. Она уже привыкла к его слабому покаяванию и почувствовала облегчение, когда эмоции бога перестали покрывать ее разум, словно грозные тучи.

Беру присела у огня, а Лазарос прятался у окна. Он стал ее личной тенью: охранял, чтобы убедиться, что она контролирует бога и сама не нарушает правила. Как бы Палласу ни нравилось командовать Беру перед последователями, он не оставался с ней наедине. Потому что слишком хорошо понимал, как сильно бог жаждет его смерти и свободы.

Беру не нравился Лазарос. Свидетели собирались вокруг Палласа по разным причинам, но преданность Лазароса превосходила их всех. Он выжиг собственный Дар, чтобы это доказать. Такая верность не поддавалась объяснению, и Беру чувствовала, что даже некоторые свидетели остерегались его.

Прошло уже два месяца, а она так и не привыкла к его внимательным серым глазам, разрозненному узору